

УДК 821.161.1

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАРРАТИВА (ЧТЕНИЕ И ПОНИМАНИЕ «ШИНЕЛИ» Н.В.ГОГОЛЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО)

© А.Р.Салахова

На современном этапе обучения иностранным языкам наибольшим эвристическим потенциалом при работе с аутентичными текстами культуры обладает дискурсивный подход, ориентированный на текстообразующий способ восприятия и претворения культурного опыта в лично значимый. Автор статьи фокусирует внимание на роли нарратива при чтении и анализе текстов русской культуры.

Ключевые слова: аутентичный текст в методике РКИ, нарратив, дискурс, Н.В.Гоголь, «Шинель».

Художественный текст, как и любой текст культуры (картина, фильм, пьеса, балет, опера, музыкальное произведение и т.п.), безусловно, представляет собой сложный объект не только изучения, но и интерпретации в рамках обучения неродному языку и культуре. Не представляется ни возможным, ни необходимым разработать и предложить некую универсальную модель, все-сторонне описывающую и объясняющую весь сложный корпус внутри- и межтекстовых связей, в силу ряда объективных причин выступающих на первый план при работе с аутентичными текстами культуры. Поскольку любое восприятие и анализ предполагает участие субъекта, воспринимающего и интерпретирующего, лишая тем самым текст имманентности, каждое прочтение (включая перечитывание) текста позволяет умножить представления о тексте в основном за счет смещения фокуса *понятное/непонятое*, формируя тем самым «лично-актуальный смысл-образ текста» [1: 73].

Постоянно умножающиеся в процессе чтения представления о тексте неизбежно включаются в дискурс, обладающий наибольшим эвристическим потенциалом. Таким образом, текст выступает в некотором роде гарантией дискурса. Принимая во внимание, с одной стороны, коммуникативно-прагматическую стратегию дискурса (связь высказывания с действительностью), а с другой – формирование и фиксацию смыслов, признаваемых в дискурсивном поле в качестве истинных, нельзя не указать на когнитивно-коммуникативную природу дискурса, то есть его включенность в процесс восприятия и порождения текстов. Для нас важно подчеркнуть, что в условиях обучения неродному языку и культуре дискурс, как и любое целенаправленное речемыслительное действие, является результатом интериоризации сверличного (в данном случае присущего иной культуре) опыта. Посредством

усвоения результатов культурной деятельности, освоения иного жизненного опыта обучающийся приобретает способность оперировать образами предметов, которые в данный момент отсутствуют в его поле зрения, преодолевает предельность настоящего мгновения (вольно «в уме» перемещается в прошлое и в будущее, во времени и в пространстве). Важно отметить, что ключевым средством интериоризации в условиях учебной ситуации – чтение аутентичных текстов – служит слово, а средством произвольного перехода от ситуации восприятия к говорению – речевое действие. Художественное слово абсорбирует и фиксирует в себе существенные свойства вещей в рамках языковой картины мира (к примеру, русской) и способы оперирования информацией, выработанные практикой общения в условиях русской культуры. Художественное слово служит посредником в усвоении опыта неродной культуры, а также участвует в процессах, связанных с формированием вторичной языковой личности обучающегося, – усвоении и оперировании информацией, в том числе не связанной с непосредственно данной извне ситуацией, а прошедшей культурное кодирование.

По нашему глубокому убеждению, не следует забывать, что пространство дискурса динамично, поскольку посредством текста осуществляется процесс интеракции автора и читателя, от которых зависит содержательная полнота, целостность и значимость текста. Целью работы с текстами русской культуры на занятиях русского языка как иностранного становится не только знакомство с прецедентами определенного способа текстообразующего освоения мира, но и стимулирование читательского дискурса как способа претворения культурного опыта в лично значимый.

Немаловажным представляется тот факт, что аутентичный текст художественной литературы,

предлагаемый в условиях обучения неродному языку, является для инофона своеобразным окном в индивидуальный человеческий опыт, где реальность может быть освоена только посредством повествования, через историю, через нарратив. По утверждению Розенфельда, именно «нарративы играют роль линз, сквозь которые независимые элементы существования рассматриваются как связанные части целого. Они задают параметры повседневного и определяют правила и способы идентификации объектов, которые подлежат включению в дискурсивное пространство» [2].

«Нарративный поворот» в конце XX века определил значимость повествования как когнитивно-коммуникативного события, как средства придания смысла или осмысления действительности. Д.Шифрин определяет нарратив как «форму дискурса, через которую мы реконструируем и репрезентируем прошлый опыт для себя и для других» [3: 321]. Нарратив в художественном тексте позиционирует себя и как реальность, и как фикцию, обнажая таким образом условность подобного разграничения: фикциональные нарративы в художественном произведении не стремятся к подлинности, искусственность обнаруживается либо игнорируется в процессе творческого взаимодействия читателя с текстом.

Работа с художественным текстом с иностранцами, рассматривающими тексты великой литературы в том числе как источник культурного и страноведческого знания, в конкретных случаях требует внимательной работы над нарративными стратегиями. Определенные искажения в восприятии текста могут быть обусловлены целым рядом факторов: прежде всего отсутствием языковой компетенции; несформированным навыком чтения художественного текста (неизменно представляющего собой синтез документального и художественного); общей небрежностью в восприятии литературы (только развлекательная функция). Принятие иллюзивности художественного мира, не выдающего себя за реальность, не лишает последний открытости к обоснованию чем-то существенно большим, нежели тривиальная выдумка. Фиктивный мир литературного произведения не может быть полностью либо частично замкнут на себе, но он неизбежно должен вступать в контакт с живым человеческим опытом, внетекстовой реальностью посредством различных типов наррации. Само фантазирование и способ его реализации в тексте обнаруживает неполноту, недостаточность бытия автора, а значит, допустимо задаться вопросом о роли и назначении вымысла: как именно «встроено» ли-

тературное произведение в жизнь человека – не только автора, но и читателя; какого рода действий, выводов оно требует от реципиента.

Николай Васильевич Гоголь в этом плане привлекает нас как писатель, чье творчество отчуждено от трафаретного разграничения вымысла и реальности. Художественный мир этого писателя был очень образно охарактеризован в «Лекциях по русской литературе» В.Набокова: «... проза Гоголя по меньшей мере четырехмерна. Его можно сравнить с его современником математиком Лобачевским, который взорвал Евклидов мир и открыл сто лет назад многие теории, позднее разработанные Эйнштейном» [4: 127-128]. Чтобы пояснить свою мысль, Набоков прибегает к параллелям, взятым из физики и математики: «Вселенная – гармошка» и «Вселенная – взрыв» [4: 127]; кривизна пространства; параллельные линии, которые, вопреки нашим привычным представлениям, «могут не только встретиться, но могут взвиваться и перепутываться самым причудливым образом, как колеблются, изгибаясь при малейшей ряби, две колонны, отраженные в воде» [4: 128]. Естественная терминология у Набокова служит своеобразным камертоном для легитимации подлинности открытий о мире непознаваемого, сверхразумного у Гоголя: «Гений Гоголя – это и есть та самая рябь на воде: два плюс два дают пять, если не квадратный корень из пяти, и в мире Гоголя все это происходит естественно, там ни нашей рассудочной математики, ни всех наших псевдофизических конвенций с самими собой, если говорить серьезно, не существует» [4: 128].

В предлагаемом исследовании рассматривается коммуникативный потенциал анализа нарратива гоголевской «Шинели» – текста широко известного и популярного среди изучающих русский язык. Авторы альтернативного учебника «Родная речь: Уроки изящной словесности» не без иронии указывают на то, что: «Знаменитый Башмачкин остался для читателя загадкой. Точно про него известно лишь то, что он – маленький человек» [5: 135], вскользь упоминая и еще одну расхожую характеристику «Шинели»: «... вышел из безмерно широкой гоголевской «Шинели»» [5: 134-135].

Действительно, между своего рода «Сциллой и Харибдой» двух знаковых литературоведческих оценок долгое время выстраивался анализ гоголевского текста, ждущего, по мнению того же В.Набокова, «читателя с творческим воображением – это повесть для него» [4: 124]; многие несуразности, алогичности, нестыковки текста попросту игнорировались, что, по нашему глубокому убеждению, с одной стороны схематизи-

ровало понимание повести и ее центрального персонажа (Акакия Акакиевича), а с другой – осложняло именно за счет отчуждения от «реалий» (как бы то странно не прозвучало по отношению к гоголевской фиктивности) текста, лишенного прямого выхода к читателю. С точки зрения коммуникативной структуры текста (подход, предлагаемый В.Шмидтом [6: 11-13]) интерес представляет «конкуренция» трех стратегий нарративного дискурса в «Шинели» – сказание, притча и анекдот [7].

И поскольку коммуникативный статус именованных стратегий различен – знание, убеждение и мнение, соответственно, немаловажным будет обратить при анализе внимание на роль и место рассказчика в «Шинели», ослабляя зависимость текста от поиска образа «маленького человека» и открывая дорогу эвристическому поиску, тон которого задан знаменитым высказыванием – «все мы вышли из гоголевской «Шинели»» (авторство которого оспаривается и по сей день [8]). Дмитриевская Л.Н. отмечает: ««Маленький человек» – термин весьма и весьма условный. Появилось это словосочетание, по видимому ..., в «Грозе» (1859) Островского в реплике Кулигина: «Я человек маленький, меня и обидеть можно». Следовательно, ни Пушкин, создавая своих Самсона Вырина, капитана Миронова, Евгения из «Медного всадника», ни Гоголь, создавая Акакия Акакиевича Башмачкина... не оперировали по отношению к человеку этим уничижающим «термином» – «**маленький человек**» [9: 2].

Пред- и притекстовая работа над текстом гоголевской «Шинели» предполагает, наряду со снятием языковых трудностей, обсуждением места и роли текста Гоголя в русской культуре, постановку в качестве проблемного вопроса о месте и роли «Шинели» как ключевого текста русской литературы (допустимо переформулировать знаменитый тезис в качестве вопроса «Все мы вышли из гоголевской «Шинели»?»). Продуктивно сравнить представление о тексте до и после прочтения, или иными словами, дискурс, который сформирован у инофона до работы с текстом (до прочтения либо после ознакомительного чтения) и после детального анализа нарратива. Экспериментальный характер носит весьма продуктивный тип задания, в методическом ключе поддерживающий и развивающий тезис В.Набокова: «Сюжет «Шинели» чрезвычайно прост» [4: 127]. Знаменитому «лектору» достаточно четырех предложений для пересказа «этого трансцендентального анекдота» [4: 127]. После предварительного знакомства с текстом учащимся представляется возможность пересказать

«Шинель» в нескольких предложениях; работа над сжатием информации позволит закрепить (при необходимости сформировать) синтаксический навык. Вслед за Набоковым учащимся станет очевиден тот факт, что «вся фабула – в нескольких предложениях – не способна вместить содержания (или «подлинного сюжета»)» [4: 127], а также открыть возможность для дискурса, формирования личностно-актуального смысла художественного текста (напомним – «Все мы вышли из гоголевской «Шинели»?»). Таким образом, в фокусе читательского внимания оказывается все, что не уместилось в фабулу. И прежде всего фигура рассказчика, который вовлекает читателя в любопытнейший диалог, отводя воспринимавшему сознанию позицию соучастника данного коммуникативного события. Без сомнения, фактический слушатель (читатель) может и не занять уготованной ему позиции, но в таком случае его вступление в коммуникацию не будет адекватным этому дискурсу.

Тем самым различение фабулы и сюжета в «Шинели» приведет в результате анализа к ключевому, по нашему мнению, образу рассказчика, не проявленному в фабуле, но организующему посредством нарративных стратегий сюжет: его появление начинает историю, на самом деле ее не начавши (мы имеем ввиду преамбулу о департаментах, с которой начинается «Шинель») Позволим себе в качестве примера остановиться именно на анализе нарратива в самом начале повести так, как оно может быть выстроено при работе с иностранными учащимися на уроках русского как иностранного.

Рецептивная речевая компетенция учащихся позволит им в первом абзаце «Шинели» идентифицировать рассказчика по речевым характеристикам (повторы, самоперебивы, «обрамляющие мотивы» (по Томашевскому [10])), сближающим гоголевский текст со сказом: «В департаменте... но лучше не называть, в каком департаменте» [11: 179]; «Говорят, весьма недавно поступила просьба от одного капитана-исправника, не помню какого-то города...» [11: 179]; «Итак, во избежание всяких неприятностей, лучше департамент, о котором идет дело, мы назовем *одним департаментом*. Итак, в *одном департаменте...*» [11: 179-180]. Рассказчик Гоголя с самых первых строк избирает стратегию нарратива, предполагающую обладание некоторым достоверным, хотя и не верифицируемым в рамках текста знанием. Немаловажно привлечь внимание читающих к тому, что стратегия нарратива в художественном мире Гоголя не вступает в конкуренцию с окказиональной картиной мира, присущей анекдоту: своей карнавальностью мир

«Шинели» отвергает, извращает, осмеивает всякую ритуальность человеческих отношений («Фамилия чиновника была Башмачкин. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла от башмака; но когда, в какое время и каким образом произошла она от башмака, ничего этого неизвестно» [11: 180]; «И отец, и дед, и даже шурин, и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах...» [11: 180]; «... ел все это с мухами и со всем тем, что ни посылал бог на ту пору» [11: 185] и т.п.).

Кроме того, художественный мир повести Гоголя сближается с императивной картиной мира, моделируемой притчей. В.И.Тюпа отмечает: «Притча повествует не об однократных событиях общеисторической (сказание) или частной (анекдот) жизни, но о том, что – по убеждению соучастников притчевого дискурса – «существовало и будет существовать всегда, что неизменно или что случается постоянно» [12: 66]). Здесь действующие лица, по мысли С.С.Аверинцева, предстают перед нами не как «объекты» эстетического «наблюдения» (именно таковы герои сказания или анекдота), «но как субъекты этического выбора». Все их поступки в притче есть реализация такого выбора (не всегда эксплицитированного в тексте, но всегда имплицитно присутствующего в поведении персонажа)» [цит. по 7]. Так, в повести Гоголя множатся «маленькие люди» – малые в своей евангельской сущности, меньшие перед Богом – но забывшие свое предназначение и тем самым умалившие свою человеческую судьбу и идентичность («Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий» [11: 181]; «Сначала он назывался просто Григорий и был крепостным человеком у какого-то барина; Петровичем он начал называться с тех пор, как получил отпускную и стал попивать довольно сильно по всяким праздникам, сначала по большим, а потом, без разбору, по всем церковным, где только стоял в календаре крестик» [11: 189]; «споря с женой, называл ее мирскою женщиной и немкой» [11: 189]; «какая именно и в чем состояла должность значительного лица, это осталось до сих пор неизвестным» [11: 210]). Малость поглощает и самого рассказчика повести, избегающего точных названий и определений и несколько десятков раз (иногда пять раз в одном предложении) повторяющего частицу «даже», многократно педалируя отнесенность действия как к действительности, так и к говорящему – к себе самому.

Бегло очерченные нами сущностные характеристики различных дискурсивных стратегий, присущих тексту «Шинели» в частности, а также легко декодируемых при внимательном чтении

текста, позволяют выводить работу над текстом на более глубокий уровень понимания – за счет формирования собственного дискурса. Эвристический подход к тексту в данном случае вынуждает читателя постоянно отталкиваться от непонятного и неизвестного (Почему рассказчик прибегает к этому поименованию? Что означает ...? и т.п.). Преподаватель, как нам кажется, не должен опасаться расширять эту зону непонятного и неизвестного, поскольку иницилируемый текстовый поиск раздвигает границы дискурса, делая полученные в результате смыслы лично значимыми.

Очевидно, что столь детальная проработка текста осложнит его понимание, вызывая у обучающихся определенного рода дефицит знаний о тексте, который ограничивается при беглом прочтении рецепцией фабулы. Анализ подобного рода углубляет понимание текста, требует немалого количества времени для аудиторной и самостоятельной работы и является сущностно необходимым при работе с профессиональными филологами, культурологами, а также будущими преподавателями.

*****

1. *Филиппов В.С.* Текст: на все четыре стороны // Чествуя филолога (к 75-летию Ф.А.Литвина). – Орёл, 2002. – С. 66 – 74.
2. *Розенфельд И.* Дискурс и нарратив / Материал информационного агентства Cursorinfo, 2006. // URL:<http://cursorinfo.co.il/news/analyze/2006/03/01/discurs/> (дата обращения 09.09.2013)
3. *Schiffrin, D.* In Other Words: Variation in reference and narrative. – Cambridge, 2006. – 373 p.
4. *Набоков В.* Лекции по русской литературе. – М.: Независимая газета, 1996. – 440 с.
5. *Вайль П., Генис А.* Родная речь: Уроки изящной словесности / Предисл. А.Синявского. – М.: Издательство КоЛибри, 2008. – 256 с.
6. *Шмидт В.* Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
7. *Тюпа В.И.* Три стратегии нарративного дискурса / ДИСКУРС: КОММУНИКАЦИЯ – ОБРАЗОВАНИЕ – КУЛЬТУРА – 3-4/97. – Новосибирск, 2001. // URL: http://www.nsu.ru/education/virtual/discourse34_15.htm
8. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: Более 4000 статей / Авт.-сост. В.Серов. – М.: Локид-Пресс, 2005. // URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/3/182.htm> (дата обращения 09.09.2013.)
9. *Дмитриевская Л.Н.* Новый взгляд на образ «маленького человека» в повести Н.В.Гоголя «Шинель» // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – №4. – Киев, 2009. – С.2 – 5.
10. *Томашевский Б.В.* Теория литературы: Поэтика. – М.-Л.: Госиздат, 1925. // URL:

- <http://philologos.narod.ru/tomash/tema13.htm> (дата обращения 09.09.2013.)
11. *Гоголь Н.В.* Шинель // Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 7-ми т. Т.3. – М.: Современник, 1983. – С. 179 – 224.
  12. *Лихачёв Д.С.* Развитие русской литературы X-XVII веков – М.: Наука, 1998. – 208 с.

**EXPERIMENTAL POTENTIAL OF NARRATIVE
(READING AND UNDERSTANDING «THE OVERCOAT»
BY NIKOLAI GOGOL)**

A.R.Salakhova

The paper discusses the concept of “narrative” and “discourse” applied to learning Russian as a foreign language. The article explores the role of narrative in reading and analyzing authentic texts of Russian culture (N.Gogol’s “The Overcoat” as an example). In this sense, the discursive approach focuses on a text-forming mode of perception and aims to make cultural experience personally meaningful.

Key words: N.Gogol, “The Overcoat”, narrative, discourse.

*****

1. *Filippov V.S.* Tekst: na vse chetyre storony // Chestvuya filologa (k 75-letiyu F.A.Litvina). – Oryol, 2002. – S. 66 – 74.
2. *Rozenfel'd I.* Diskurs i narrativ / Material informacionnogo agenstva Sursorinfo, 2006. // URL:<http://cursorinfo.co.il/news/analyze/2006/03/01/discurs/> (data obrashheniya 09.09.2013)
3. *Schiffirin, D.* In Other Words: Variation in reference and narrative. – Cambridge, 2006. – 373 r.
4. *Nabokov V.* Lekcii po russkoj literature. – M.: Nezavisimaya gazeta, 1996. – 440 s.
5. *Vajl' P., Genis A.* Rodnaya rech': Uroki izyashnoj slovesnosti/ Predisl. A.Sinyavskogo. – M.: Izdatel'stvo KoLibri, 2008. – 256 s.
6. *Shmidt V.* Narratologiya. – M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. – 312 s.
7. *Tyupa V.I.* Tri strategii narrativnogo diskursa / DISKURS: KOMMUNIKACIYA – OBRAZOVANIE – KUL'TURA – 3-4/97. – Novosibirsk, 2001 // URL: http://www.nsu.ru/education/virtual/discourse34_15.htm
8. E'nciklopedicheskij slovar' krylatyx slov i vyrazhenij: Bolee 4000 statej /Avt.-sost. V. Serov. – M.: Lokid-Press, 2005. // URL: <http://www.bibliotekar.ru/enc-Slov/3/182.htm>
9. *Dmitrievskaya L.N.* Novyj vzglyad na obraz «malen'kogo cheloveka» v povesti N.V. Gogolya «Shinel'» // Russkij yazyk, literatura, kul'tura v shkole i vuze. – №4. – Kiev, 2009. – S.2 – 5.
10. *Tomashevskij B.V.* Teoriya literatury: Poe'tika.– M.-L.: Gosizdat, 1925. // URL: <http://philologos.narod.ru/tomash/tema13.htm>.
11. *Gogol' N.V.* Shinel' // Gogol' N.V. Sbranie sochinenij: V 7-mi t. T.3. – M.: Sovremennik, 1983. – S. 179 – 224.
12. *Lixachyov D.S.* Razvitie russkoj literatury X-XVII vekov – M.: Nauka, 1998. – 208 s.

*****

Салахова Айгуль Рестамошна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка как иностранного Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

Salakhova A.R. – Ph. D. in Philology, teaching assistant, Kazan Federal University

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: aygul.salahova@gmail.com

Поступила в редакцию 06.10.2013